

К. Г. ЛЕВЫКИН

Мой университет

Для всех — он наш,
а для каждого — свой

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА
2006

ББК 63.3(2)
Л 34

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект ¹ 05-01-16001

Левыкин К. Г.

Л 34 Мой университет: Для всех — он наш, а для каждого —
свой. — М.: Языки славянских культур, 2006. — 592 с., ил.

ISBN 5-9551-0127-6

В предлагаемой читателю книге автор завершает свою автобиографическую трилогию, начатую с воспоминаний о далеком детстве в деревне Левыкино, а затем продолженную повествованием о московской жизни в тревожные, но счастливые тридцатые годы школьной предвоенной юности. После четырех лет войны, а затем еще четырех лет солдатской службы судьба связала его на всю оставшуюся жизнь с Московским государственным университетом.

Память сохранила ему живые картины послевоенной пятилетки студенческой жизни с друзьями-однокурсниками, годов учебы, учителей, профессоров и преподавателей, завершения учебы в аспирантуре, а затем его вхождения в научно-преподавательскую деятельность на историческом факультете. Большое место заняли в книге воспоминания об участии автора в общественной жизни университета в беспокойные десятилетия истории советского общества второй половины XX века.

Свою повесть заслуженный профессор Московского государственного университета Константин Григорьевич Левыкин завершает размышлениями о переменах в жизни Московского университета, произошедших в годы, предшествующие 250-летнему юбилею его истории, органичной частью которой он сам продолжает оставаться вот уже более пятидесяти лет.

63.3(2)

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 5-9551-0127-6

© Левыкин К. Г., 2006

© Языки славянских культур, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Часть I.</i>	Моя студенческая послевоенная пяtilетка	5
<i>Часть II.</i>	Беспокойная истфаковская десятилетка: 1954—1964	307
<i>Часть III.</i>	Исторический факультет на всю оставшуюся жизнь	505

Часть I

**МОЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ
ПОСЛЕВОЕННАЯ
ПЯТИЛЕТКА**

Вот уже четвертый год пошел с того времени, когда я написал первые строки своих воспоминаний. Я начал их тогда с сомнений — стоит ли будоражить свою память, совсем не будучи уверенным, что они когда-нибудь кому-нибудь покажутся интересными. Сильно сомневался я и в том, смогу ли снова мысленно пройти по своим жизненным дорогам, ничего не позабыв, ничего не прибавив к прожитому и пережитому, сказать при этом правду и о себе, и о тех, с кем вместе шел к общей цели, с кем соглашался, с кем спорил, с кем дружил, а с кем и разошелся в выборе идеалов и житейских принципов, смогу ли я справедливо оценить свои собственные решения и поступки и понять выбор тех, с кем жизнь меня развела и не примирила. Наконец, сомневался я и в том, хватит ли желания и времени на затеваемый длинный монолог, разговор с самим собой, не надоест ли он мне самому.

Сомнения эти и до сих пор сопровождают меня в моих письменных раздумьях. Но одно из них я преодолел окончательно. Теперь я уверен, что не остановлю своей исповеди, пока не подведу последний итог прожитых мною почти восьми десятков лет жизни. Думаю, что ее остаток уже не принесет мне переживаний и поступков, которые бы сравнились с прошлым и что-либо изменили в моих взглядах и оценках.

Теперь я попробую вернуться почти на пятьдесят лет назад в коридоры, аудитории, лектории, актовые залы, в библиотеки и читальные залы, на спортивные площадки Московского университета, к дружной братии моих однокурсников, к моим уважаемым и дорогим учителям, к моим

очень разным по интересам, по прилежанию, по характеру и поведению, но очень похожим друг на друга по университетской стати ученикам-студентам. Судьба подарила мне возможность прожить с ними интересную жизнь. О ней я мечтал долгие годы своей походной, боевой и казарменной солдатской жизни. Иногда мне казалось, что военная судьба уж навсегда лишила меня возможности познать ее, вернуться в уходящую юность. Я начинал даже убеждать себя, что нет смысла мечтать об учебе, что надо искать другие, более простые пути в свое мирное будущее, которое я долго ждал, не зная, когда оно наступит. Но всякий раз, когда мне случайно приходилось видеть в кино или встречаться в жизни со студентами у институтов или общежитий, на спортивных или танцевальных площадках, не злая, а добрая зависть от их звонкого смеха и веселья, от их умных шуток и острот, от серьезных разговоров между собой рождала у меня желание быть среди них, стать таким же, как и они, — веселым, уверенным и целеустремленным.

Добрые люди, мои старые довоенные учителя, мои заботливые командиры и начальники, мои учителя в послевоенной школе рабочей молодежи помогли мне осуществить это желание. Заканчивая свою воинскую — сержантскую — карьеру в дивизии имени Дзержинского на девятом году службы я сумел все-таки стать студентом-заочником первого курса Московского государственного университета. А моя настоящая студенческая жизнь началась с апреля 1950 года после того, как я с заочного перевелся на дневное отделение исторического факультета.

Перерыва между моей завершившейся, наконец, военной службой и учебой в МГУ не было. Демобилизовался я 28 марта и в следующий же понедельник пришел на первое занятие по расписанию дневного отделения. В тот день я впервые увидел своих новых товарищей-однокурсников, которых теперь, спустя пятьдесят лет, вспоминаю так же, как своих довоенных одноклассников и как фронтовых одноклассников.

Когда я вошел в Ленинскую аудиторию вместе со спешащими на лекцию моими теперь уже однокурсниками, мне показалось, что моего появления никто не заметил.

Нижние ряды аудиторного амфитеатра были уже заполнены. Я поднялся наверх и скромно устроился в свободном ряду. Рядом присели еще несколько человек. Вот они-то, наверное, заметили во мне постороннего, незнакомого им человека. В это время в аудиторию вошел лектор — пожилой, благообразного вида человек с серьезным, озабоченным лицом и большим портфелем, из которого, взойдя на кафедру, он извлек стопку листов, положил их перед собой и, оглядев всю успокаивающуюся и шумную аудиторию, объявил тему лекции. Если мне не изменяет память, она была посвящена проблеме политического руководства массовым общественным движением в России накануне Первой русской революции. Лектором оказался доцент кафедры основ марксизма-ленинизма Петр Николаевич Патрикеев. Аудитория поутихла, и лектор ровным, невыразительным голосом стал читать лекцию, перекладывая листок за листком из заметно поношенной бумажной стопки. Время от времени он делал небольшую паузу, чтобы осмотреть аудиторию. Своим испытующим взглядом поверх очков он успевал во время короткой паузы, словно прожектором, прошарить все ряды аудитории. Успевал ли он увидеть все, запомнить каждого, кто не достаивал его своим вниманием, умел ли он разглядеть, кто и чем занимается в момент, когда он назидательно читал нам со своих листков об основных принципах стратегии и тактики политического руководства трудящимися массами в ходе назревающей демократической революции в России, я не знаю. На этой лекции я был свободен от обязанности ее торопливо конспектировать, ибо накануне своего перевода на дневное отделение по совету доцента Георгия Семеновича Гулько, который на заочном отделении вел с нами семинары по этому же предмету, я сдал и зачет, и экзамен по первой части курса. И поэтому, слушая лектора, я вместе с ним наблюдал за незнакомой мне жизнью, в которую еще только должен был войти и стать неотъемлемой частью университетской студенческой братии. Сверху мне удавалось увидеть значительно больше, чем строгому доценту П. Н. Патрикееву снизу.

Внизу, слева от кафедры, стоял длинный стол, вокруг которого плотно устроилось человек двадцать самых прилеж-

ных, как я потом окончательно определил, студентов. Большую их часть составляло общественное руководство курса. Все они усердно строчили в своих тетрадках, ловя каждое слово лектора. С таким же рвением строчили и первые три ряда аудиторного амфитеатра, тоже довольно тесно заполненные слушателями. Здесь также была сосредоточена наиболее сознательная и дисциплинированная их часть.

В средних рядах аудитории, «заселенных» уже менее плотно, публика собралась иная. Здесь кроме тех, кто слушал лектора, было немало и таких, у кого были иные заботы: некоторые занимались переводами с латыни и греческого, немецкого, французского и английского, а кое-кто — и с восточных языков. Другие же, сбившись в компании по два-три человека, обменивались какими-то новостями. Позже на собственном опыте я убедился, что в средних рядах лектора было плохо слышно. В Ленинской аудитории акустика была плохая, а радиотехникой ее еще не оборудовали. Может быть, поэтому средние ряды и были заселены неплотно, а может быть, и потому, что лектор не мешал премудрым студентам доделывать то, что они не успели сделать дома, готовясь к практическим семинарам. Еще позже я понял, что в средних рядах собирались те, кого не очень беспокоила неизбежность экзаменационных сессий.

Верхние же ряды аудитории были заняты совсем мало. Иногда сидящие группами по двое-трое находились друг от друга на расстоянии вытянутой руки. А вот некоторые предпочитали солидно восседать в одиночестве и в собственных раздумьях. Со временем я также понял, что здесь собиралась самая претенциозная публика, самые независимые от общественного мнения оригиналы — будущие профессора и доктора наук. Здесь постоянно располагались наши курсовые востоковеды — Пахом Куланда, Эдик Грантовский, Вася Богословский, Юра Ванин, Коля Киреев. Конечно, по именам я узнал их несколько позже. Но особенно привлек мое внимание один необычный студент. В первый мой день он появился в дверях аудитории, когда все уже приготовились слушать лектора. Окинув взглядом притихшую аудиторию сквозь стекла редкого в то время пенсне и сняв широкополую шляпу, он уверенно зашагал наверх к своим

товарищам. С длинными волосами, с одухотворенным профилем поросшего пробивающейся юношеской щетинкой лица, он показался мне литературным образом студента-нигилиста, а может быть, даже и народовольца. Это был Юра Чудодеев. В своем книжном историческом образе он пребывал все пять студенческих лет. А по их прошествии он вырос в красивого, вполне реального русского интеллигентного мужчину, очень внимательного и приблизившегося к своим вошедшим в солидный возраст однокурсникам.

На самом же верху, на галерке, восседал в задумчивости и будущий известный археолог Герман Алексеевич Федоров-Давыдов, и Эмиль Меликян, к сожалению, ушедший из жизни студентом пятого курса. Иногда с ним рядом подсаживался тоже ставший известным в будущем этнограф Владимир Владимирович Пименов.

Все независимые либерал-демократы группировались с правой стороны галерки. А на левой собиралась в переменном составе иная публика. Там обычно группировалась мужская кавказская диаспора, среди которой выделялся веселым видом и нравом Газанфар Мамедалиев, никогда не отягощенный учебными заботами. Он был заядлым футбольным болельщиком. Болел он, конечно, за бакинский «Нефтяник», но в Московском университете преданно болел за университетскую сборную и, особенно, за команду исторического факультета. Ему суждено было стать и моим болельщиком, поскольку судьба свела меня на галерке почти со всей командой курса во главе с Володей Трифоновым, Левоу Филатовым и Левоу Герасимовым. По пятибалльной системе представители спортивной галерки не всегда выглядели благополучно. Все же занятия спортом не мешали их научным интересам, и по окончании университета все они нашли свое место в науке. Это удалось сделать и всегда беспечно веселому Газанфару.

Я познакомился с этими интересными ребятами на второй или третьей лекции, и они приняли меня в свою команду. Лидером в ней был Володя Трифонов, красивый парень и типичный московский футболист сначала дворовой команды, а потом — команды со стадиона «Юных пионеров». В день нашего знакомства он по-деловому выяснил мое

отношение к футболу и, обрадовавшись тому, что я играл за полковую команду вратарем, предложил мне сразу, не откладывая, сыграть на следующий день в товарищеском матче между однокурсниками, живущими в общежитии, и москвичами. У москвичей как раз не хватало вратаря. Я, конечно, согласился. Пришлось, правда, сразу пропустить занятие по немецкому языку. Ребята уговорили меня, ссылаясь на свой опыт, что вреда от этого не будет. Но я, не отвыкнув еще от воинских порядков, попросил разрешения у преподавательницы, еще незнакомой мне, сославшись на то, что якобы должен принять участие в спортивном соревновании по плану кафедры физкультуры.

Матч проходил в подмосковном Вострякове, на пристанционном пустыре. Наша команда показалась мне менее спортивной, но более интеллектуальной, очкастой и художочной. В этом смысле особенно оригинально выглядели мои защитники — Эдик Грантовский (по кличке Шавка) и Васька Богословский. Я сразу понял, что надежда на безопасность ворот с этими интеллигентами будет небольшая. Но, к удивлению, эти очкарики играли зло и непримиримо. Правда, мы проиграли со счетом 1 : 2. Общежитийцы-стромынчане были сильнее нас. Особенно настырными у них оказались Лева Филатов и недавний солдат, все еще носивший кирзовые сапоги Сталин Дмитренко. Первому удалось забить мне два гола. А второго я все-таки нейтрализовал, приложив его пару раз к матери — сырой земле.

Несмотря на поражение, мой футбольный дебют был удачным: я тогда взял пенальти, пробитый Филатовым. Мне удалось переиграть его психологически. Он, готовясь к удару, зло и решительно смотрел на меня. А я использовал свой прием: когда он разбежался, я в это время нахально бормотал ему навстречу: «Бей на меня, бей на меня». И настырный форвард из Мордовии пробил прямо на меня. Долго он не мог простить мне эту хитрость. Но в конечном итоге с того момента началась наша дружба. Этот первый экзамен знакомства я выдержал, и галерка приняла меня в свою компанию.

Так началось мое знакомство с однокурсниками. Самой собой получилось так, что я оказался в самом средоточии

очень разного по поведению, по внешним признакам отношения к занятиям, по материальной обеспеченности, по житейским интересам и другим, не обнаруженным еще мною индивидуальным и общественным мотивациям и амбициям курсового потока числом почти в триста человеческих душ. Выше меня рядами сибаритствовала вольная, либеральная и спортивная галерка. Внизу шуршали строчками конспектов передовики-активисты. А между ними более чем вполтину курса — середняки.

Знакомство с курсом, вхождение в его жизнь продолжалось. Инкогнито пришлось мне тогда оставаться недолго. В перерыве после первой лекции ко мне подошел очень серьезного вида студент и вежливо попросил меня объяснить причину посещения лекции. Сам он при этом представился старостой курса Иваном Иващенко. Я сразу признал в нем своего брата-старослужащего. Выглядел староста постарше меня, а ростом — пониже. Одет он был в офицерский китель, но с гражданскими брюками, а обут в поношенные ботинки. Начавшееся знакомство располагало к дружеской беседе. Я коротко рассказал ему о себе, о своей дороге в университет. А он рассказал о своей. Всю войну он отлетал штурманом на «Петлякове-2». После ранения в самом конце ее, получив инвалидность и ничего больше не приобретя, кроме профессии военного штурмана, он был демобилизован. В карманах офицерского кителя тоже было негусто. Гражданскую жизнь пришлось начинать инвалиду сначала. Он выбрал Московский университет и будущую — совсем не денежную профессию историка-медиевиста. Трудов для овладения этой профессией ему предстояло затратить немало. Помимо европейского языка ему надо было одолеть совсем незнакомую латынь. Скоро я узнал и о том, что Ваня Иващенко на курсе успел стать уважаемым «старшим товарищем». Младшие сокурсники называли его Иваном Ивановичем.

Разговор со мной староста начал вежливо, но по-офицерски строго. Я назвал свое имя и фамилию и объяснил, что вчера приказом проректора переведен с заочного отделения на дневное в связи с демобилизацией из Советской Армии. Приветственно улыбнувшись, Иван Иванович по-братски

хлопнул меня по плечу. Это означало, что я был принят и в компанию сокурсников-старослужащих, что в ее полку прибыло. И еще он пообещал мне свою помощь в новых незнакомых обстоятельствах. Когда после перерыва прозвонел звонок и пока лектор еще не занял свое место на кафедре, он сразу же представил меня всему курсу.

На той же лекции случай помог мне увидеть еще одного курсового лидера. Как только окончилась лекция, где-то с галерки, около того места, где я сидел, раздался громкий мужской голос, призывающий курс задержаться для прослушивания объявления профбюро. Мимо меня простучал кирзовыми сапогами брюнет в солдатской гимнастерке и по-хозяйски устроился на профессорской кафедре. Это был председатель курсового студенческого профбюро. Имя его необычное я узнал позже. Звали его Сталином Дмитренко. Объявление его состояло из короткого сообщения о проведенной ревизионной проверке курсовой кассы взаимопомощи и о том, что она возобновляет выдачу средств нуждающимся, прием взносов и возврат займов. Всеми этими вопросами по поручению профбюро должна была заниматься, как сообщил председатель, казначей Анна Молжужинец. С тех пор мне запомнились имя и фамилия нашей казначейши. И до сих пор, когда мне приходится встречаться с Анной — преподавателем Института стран Азии и Африки, — я так ее и приветствую, как «казначей нашего курса».

Со Сталином Дмитренко мы познакомились чуть позже, когда он строго и серьезно принимал меня в члены профсоюза на заседании профбюро. А еще позже я узнал, почему родители назвали его таким необычным именем. Они были партийными работниками в Кировоградской области. Своего единственного сына они решили назвать так совсем не в честь Великого Сталина. Сын их родился в 1926 году, в самом начале индустриализации, и имя ему было дано в знак верности политике, объявленной ВКП(б). Они назвали его Сталью. Но очень скоро они все же догадались, что это индустриально-металлургическое существительное женского рода. Выход же из случившегося казуса нашли в том, что стали звать сына Сталином. Он носил это имя до известного постановления ЦК КПСС о культе личности. С тех пор